

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Это было похоже на кратковременную потерю сознания — а может, так оно и было на самом деле. Красный туман внезапно сгустился у меня перед глазами, и я почувствовал, что лечу куда-то...

Приземление оказалось довольно жестким.

Я чувствительно приложился спиной обо что-то твердое, но твердое не настолько, чтобы сломать позвоночник. Дыхание лишь немного перешибло, да винтовка больно врезалась в лопатку, а в остальном все нормально.

Я рефлексивно перекатился на живот, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и прежде, чем зрение полностью восстановилось, услышал голоса.

Язык говоривших был чужим, но в то же время в нем улавливались условно знакомые слова — будто уголовники на фене разговаривают. Вроде кажется с непривычки, что понять можно, но это только кажется.

— Зырь, тать! В полон ловити його, братия!

Кстати, это я понял с ходу, будто на фене тех «братий» сроду говорил. Вскочил на ноги, еще не особо проморгавшись, сдернул с плеча СВД — и са-

данул прикладом по ближайшей тени, бросившейся ко мне.

Раздался глухой удар. Тень, видимо не ожидавшая от покачивающейся жертвы подобной скорости, исчезла из поля моего зрения. Я же отпрыгнул назад, зажмурился до боли, открыл глаза...

К счастью, зрение вернулось почти полностью. Но оптимизма этот факт мне не прибавил.

Их было четверо. Одного я удачно срубил прикладом, и теперь он валялся на земле без движения, с лицом, залитым кровью. Зато остальные трое явно собирались меня мочить...

Надо отметить, что нападавшие были одеты весьма экзотично. меховые шапки, не новые, изрядно потертые кожаные тулупчики явно ручной выделки, свободные полотняные штаны, на ногах — лапти. Самые настоящие, как с картинок из учебников истории. А выше лаптей — перевязанные веревками обмотки из не особо чистой материи, которые назывались забытым ныне словом «онучи». Тема для меня знакомая: когда в мир Великой Отечественной войны попал, больше половины наших бойцов были в ботинках с такими вот обмотками.

Морды у всех нападавших были изрядно волосатыми — сальные патлы из-под шапок до плеч, спутанные бороды до груди. Но все это, конечно, не главное.

Гораздо больше внешнего вида и шмотья нападавших интересовало меня их оружие. У одного топор заткнут за веревку, заменяющую пояс, плюс мощное копьё в руках, с которым на медведя ходить в са-

мый раз. У второго — здоровый колчан за спиной с короткими копьями, одно из которых он вытащил и уже замахнулся, чтоб в меня бросить. А у третьего, самого здоровенного, меч на поясе, а в руках короткий лук, из которого этот Робин Гуд явно собирался в меня выстрелить, уже тетиву натянул, сволочь. И при этом заорал:

— Рубити головника!

Хреново...

Но, как бы там ни было, моя тушка очень не любит, когда в нее втыкаются всякие острые железяки, и потому сама, на рефлексх реагирует даже раньше, чем мозг сообразит, что нужно делать.

Метатель швырнул копьё, «Робин Гуд» выстрелил — но меня уже не было там, куда они метили. Я просто как стоял — так тупо и упал вперед, на брюхо, и стрела с копьем пролетели у меня над головой. Я же, практически не целясь, щелкнул переводчиком огня и выстрелил из своей СВД...

Осечка!

Ну твою ж душу...

А «Робин» с копейщиком не зевали, оба потянулись — один за второй стрелой, другой за следующей металкой.

И тут мне повезло!

Третий, со здоровенным копьем который, решил, что дружки славу у него отбирают. И, заревев помедвежьи, ринулся в атаку, заслонив меня широченной фигурой от корешей, предпочитающих решать вопросы на расстоянии.

И быть бы мне насаженным на копьё, словно на вертел, если б, опять же, не рефлексы. Отпустив винтовку, я резко вскочил на ноги, отбил предплечьем в сторону копьё, направленное мне в грудь (больно, блин! Древко-то какое толстое!), после чего со всей дури заехал здоровяку локтем в подбородок.

Какой бы ты кабан ни был, сильный удар на встрече в челюсть — это практически всегда нокаут. И данный случай не оказался исключением.

Здоровяк будто мордой на рельс наделся с размаху. Хрясть — и на спине лежит со стеклянными глазами, выставив кверху свое копьё.

А дружки его, увидев, что кореш вперед ринулся, свое оружие опустили. Типа, если эта гора мышц в атаку пошла, значит, стрелять-метать им больше не придется.

Ошиблись.

Они еще, наверное, и не поняли, с чего это копейщик на землю рухнул, так как, нанеся удар, я сразу присел. Понятное дело, растеряешься тут: только что друг-великан вперед бежал, и вот уже лежит на спине, а цель — цель на кортах сидит. Чо это она?

Я же не стал ждать, пока противники обстановку оценят, выхватил топор из-за пояса поверженного врага и метнул его в «Робин Гуда». После чего, подхватив с земли винтовку с примкнутой «Бритвой», ее отправил следом.

В метателя копий.

Топор в плане метания вообще штука замечательная. Даже если не владеешь древним искусством викингов поражать врага на расстоянии широким

лезвием между глаз, это не особо страшно. Коль ему в рожу стальным обухом прилетит или даже рукоятью, мало не покажется.

В моем случае стрелок из лука как раз обухом в лоб и получил, после чего заготовленная стрела полетела в небо, а хозяин — на землю.

А вот метателю копий повезло меньше. Брошенная мною СВД поразила его штыком точно в глаз. То есть «Бритвой». Подозреваю, что без ее участия мой на удивление точный бросок не обошелся: любит мой нож свежую кровь и, ежели его метнуть, летит за ней, как гончая за добычей, — быстро, метко и втыкается глубоко, по самую рукоять.

Все...

Это ежели я очередной роман писать начну, букв будет много и набивать их придется пару дней. А так-то вся стычка секунд десять заняла от начала до конца. Насыщенных таких секунд, прямо скажем. После которых хочется выдохнуть, прилечь на траву и поспать пару часов, так как сил подобная скоротечная схватка сжирает немало.

Но — нельзя.

Прежде всего, после любой битвы надо врагов осмотреть, живы ли они. И если живы, то не нужна ли помощь. Не в смысле раны подлатать и оказать моральную поддержку, а исключительно на предмет подсобить перейти в мир иной. Потому что, когда тебя пытаются завалить, миндальничать с побежденным противником есть глупость несусветная. Ибо поверженный враг всегда мечтает лишь об одном: завершить то, что ты помешал ему сделать. То есть

убить тебя, как только ты, опьяненный победой, потеряешь бдительность.

Тот, кому я самому первому в башню заехал, был уже мертв. По ходу, шея хрустнула. Бывает.

У «Робин Гуда» во лбу лезвием кверху топор торчал, провалившись в череп чуть не наполовину. Надо же, оказывается, стальным обухом крепчайшую лобную кость проломить можно запросто! Не знал, возьми на заметку.

У копьеметателя ствол СВД в глазницу провалился по самую мушку, и кончик «Бритвы» торчал из затылка. Тут ясно, с такими ранами не живут. Я наступил ногой на лицо мертвеца, выдернул СВД из головы трупа — и услышал сзади шорох.

Обернулся.

Здоровяк, пошатываясь, стоял на ногах, пытаюсь сфокусировать взгляд. После нокаута состояние вполне нормальное. И копьё в руках держит, пытаюсь направить на меня остро заточенный стальной наколечник.

Я ждать не стал, пока у него все получится. Ногой смахнул копьё в сторону (Блин!!! Щиколотку, по ходу, отбил, довыпендривался!), после чего вогнал «Бритву» противнику в брюхо. Повернул, протолкнул дальше, выдернул. Рана, конечно, смертельная, но помрет не сразу. И в обмен на быструю смерть, глядишь, чего интересного расскажет.

Здоровяк, выронив копьё и держась за брюхо, осел на землю. Я подошел, приставил все еще примкнутую к винтовке «Бритву» к груди врага и поинтересовался:

— Хочешь быстро сдохнуть? Поговорим?

Крепыш смотрел на меня глазами, красными от бессильной ярости.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Итак, кто вы такие и с какого, простите, хрена на меня напали?

— Тать, — прохрипел раненый. — Хочу сэрдыце ти вырзать.

Блиин... Что-то не понравилось мне, как он это сказал. И еще вспомнилось, как их вожак, чтоб ему на том свете икалось, заорал «Рубити головника». Однажды в тюрьме мне один прошаренный в российской истории сокамерник пояснял от нечего делать, что блатное слово «головняк», означающее проблему, ведет свою историю от древнерусского «головник», что значит «убийца». И то, что эти бородачи-лапотники на подобном наречии изъясняются, скорее всего значит, что они ни фиги не современные реставраторы исторического прошлого, а просто на этом языке треплются между собой с детства. А значит...

— Год сейчас какой? — спросил я.

— Ась?

Глаза умирающего уже заволакивала знакомая пелена смерти.

— Год какой сейчас? Месяц?

Копейщик что-то прохрипел, но я разобрал лишь «вересень». После чего умирающий испустил дух.

Ясно. Видать, какой-то крупный сосуд я в брюхе у него задел, и мой враг истек кровью, вон какая лужа под ним натекла. А еще ясно, что я, похоже, приехал в далекое прошлое Украины, где сентябрь и в наше время называется «вересень». Другой бы

на моем месте цеплялся за мысль, что, может, все не так и это просто ролевика в лесной чаще увидели одинокого, с виду пьяного путника и решили его завалить, обобрать, а труп закопать — чаща все спит.

Но я слишком часто бывал в других вселенных Розы Миров, чтобы тешить себя иллюзиями. Ежели судьба бросает меня в водоворот, то в самый гиблый. Поэтому, если мне думается, что произошла какая-то немыслимая хрень, то, скорее всего, я не ошибаюсь. И коли так, к хрени той нужно подготовиться максимально хорошо, учитывая прошлый опыт.

Находился я в густом лесу, что неплохо — посторонних глаз не будет. И для начала следовало хорошенько осмотреться.

Впрочем, осматривать было особо нечего. Вывалился я из своего мира прямо возле лагеря этих четверых, чем их реакция и объясняется. У любого человека в непонятной ситуации возникает реакция «бей или беги». Тут было четверо здоровых бугаев против одного, габаритами скромнее любого из них. Ну вот они и включились в режим «бей». А могли бы просто посидеть-поговорить возле костра, тем более что их язык оказался похожим на украинский, который я более-менее освоил, путешествуя по Чернобыльской Зоне.

Осмотр лагеря ничего особо не дал. Четыре шалаша, искусно сплетенные из веток, внутри них лежанки из тех же ветвей, накрытые грязными тряпками. И холщовые вещмешки с вяленным мясом, прогорклым салом, сухарями, а также кожаными флягами

с водой и какой-то кислой гадостью — вероятно, местным алкоголем.

Но после хорошего боя не выбирают, что кушать, так как организм, потративший много сил на адреналине, требует компенсации. Потому я плотно так подзакусил трофейной жратвой, запив все это кислятиной из фляги. Желудок дернулся было от непривычной пищи, мол, хозяин, ты хорошо подумал? Но потом успокоился — в Зоне и не такое переваривал, тренированный орган, справится.

На трупах тоже ничего особо интересного не нашлось — кроме одежды. Я прикинул, что если я выйду к местным в своем облачении, то есть в бронекуртке, тактических штанах, берцах и с винтовкой, то меня, скорее всего, просто замочат на всякий случай. Мой богатый жизненный опыт подсказывал, что непонятных типов во все времена и во всех мирах предпочитали валить и лишь потом выяснять, кто они такие и откуда взялись. Либо, как вариант, заковывать в цепи и задавать вопросы, сопровождая их вырыванием ногтей, прижиганием раскаленным железом и другими аттракционами подобного рода, что меня тоже не устраивало.

Исходя из чего я переоделся. Стащил с трупов наименее окровавленный шмот, как мог, подогнал под себя, а остальное собрался было закопать, благо в одном шалаше нашлась деревянная лопата.

Но тут моя рука нащупала твердое за подкладкой одного из тулупчиков. Ее я подпорол и в результате стал обладателем шести монет.